

Litera

Правильная ссылка на статью:

Лобанова Ю.В. Эмоционализация массового дискурса как компенсация кризиса референции // Litera. 2024. № 7. С. 115-123. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.7.43788 EDN: TFELTT URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43788

Эмоционализация массового дискурса как компенсация кризиса референции

Лобанова Юлия Владимировна

ORCID: 0000-0003-2970-7520

кандидат философских наук

доцент кафедры "Гуманитарные дисциплины", Московский политехнический университет

107023, Россия, г. Москва, ул. Большая Семёновская, 38, оф. Москва

✉ lobanova_diss@mail.ru

[Статья из рубрики "Коммуникации"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.7.43788

EDN:

TFELTT

Дата направления статьи в редакцию:

14-08-2023

Аннотация: В статье всесторонне исследуются и анализируются основные причины возникновения явно наметившегося дисбаланса между эмоциональными и рациональными компонентами коммуникативного пространства современного массового дискурса, а также имитационная роль эмоций участника современных дискурсивных практик, которые, по существу, призваны компенсировать имеющуюся у него дефицитарность возможностей, способов и каналов для реферирования получаемой информации. Особое внимание уделено анализу таких ситуаций манипулирования эмоциями на индивидуальном или массовом уровне в рамках современного массового дискурса, которые находятся на грани соблюдения закона, или даже выходят за эту грань. В заключение рассматриваются взаимосвязанные феномены неискреннего дискурса и кризиса референции, корреляция между которыми оценивается как одно из самых значительных и весомых подтверждений распространенности и частоты использования процессов принудительной эмоционализации целого ряда дискурсивных практик. В значительном большинстве дискурсивных практик эмоции объекта

информирования сегодня играют роль маски, ширмы, занавесы, декораций, на фоне которых происходит имитация отсутствующей на самом деле референции. В современном массовом дискурсе вся информация без купюр редко доносится до аудитории, при этом факты заменяются интерпретациями или оказываются постановочными событиями. Основной причиной эмоционализации массового дискурса становится якобы следование представлениям, ожиданиям и эмоциям массовой аудитории – информация подается таким образом, что все видят, слышат, читают то, что они сами и хотели бы видеть, слышать, читать. Кризис референции внутри массового дискурса имеет искусственный и преднамеренно спровоцированный характер. Кризис референции, навязанный обществу основными модераторами массового дискурса, деформирует семантическую, синтаксическую и прагматическую нормы естественного языка, что позволяет манипулировать как самими значениями слов и синтаксисом, так и их массовым восприятием.

Ключевые слова:

коммуникация, дискурс, эмоции, аффективность, эмоциональный капитализм, дефицит референции, имитация референции, модерация эмоций, неискренний дискурс, кризис референции

Коммуникация в рамках современного массового дискурса в числе своих основных отличительных черт отмечена явным переизбытком эмоций и крайне суженными возможностями сторон в отношении референции получаемых ими информационных сообщений. В значительном большинстве дискурсивных практик первое оказывается не только следствием последнего, но и его маской, ширмой, занавесом, декорацией, на фоне которых происходит имитация этой референции – то есть того, чего нет [\[19\]](#). Невозможно перечислить все причины этой неискренности, доходящей до степени манипулирования, но основные из них, безусловно, подлежат исследованию и всестороннему, тщательному анализу.

В поздней современности информация вносится в пространство массового дискурса главным образом через массмедиа – СМИ и интернет, которые позиционируются в качестве свободных от цензуры и пропагандирующих полную, ничем не ограниченную свободу распространения и обмена информацией [\[8\]](#). Начиная уже с этих стартовых деклараций, отметим, что в процессе изучения реального положения дел оказывается, что в действительности происходит формирование цифрового контроля, в определенных свойствах даже более тотального и жёсткого, чем традиционный социально-политический. У современных массмедиа в цифровом бытии не меньше возможностей не доносить всей информации до аудитории, заменять факты интерпретациями или вообще постановочными событиями [\[20\]](#). Выражение «независимая журналистика» в таком контексте воспринимается как оксюморон.

Однако настоящая проблема состоит в том, что вместе с недобросовестными СМИ такого подхода начинают придерживаться некоторые политики, несмотря на то что в уголовных и административных кодексах большинства государств, причисляющих себя к демократическим, имеются соответствующие статьи, предусматривающие наложение санкций за распространение заведомо недостоверной информации [\[6; 7; 9; 10; 11\]](#).

Аргументами за сохранение без изменений этой противоестественной ситуации массовой

«полуправды» вместо массового информирования являются одни и те же доводы: подача информации осуществляется таким образом, что она вполне соответствует представлениям, ожиданиям и эмоциям массовой аудитории [\[13\]](#), иначе говоря, все видят, слышат, читают то, что они сами и хотели бы видеть, слышать, читать. Секс и война (Эрос и Танатос) продолжают оставаться самыми желанными информационными поводами, вызывающими сильные эмоции [\[5\]](#). Можно констатировать существование целого ряда специальных приемов, ориентированных на создание информационным сообщением эмоционального эффекта, заранее планируемого, ожидаемого, и целенаправленно формируемого в результате воздействия на восприятие и сознание потенциальных реципиентов. Именно это, по существу, и определило актуальность настоящего исследования.

Цель исследования связана с его актуальностью, и была определена как выявление, фиксация и анализ особенностей действия основных специальных приемов и механизмов принудительного перемещения внимания потенциальной аудитории с достоверности транслируемых информационных сообщений на формируемый ими эффект эмоционального воздействия, неизбежно снижающий не только общий уровень рационализации содержательной стороны этих сообщений, но и саму общественную потребность в нем.

Методология исследования: в статье были использованы методы анализа текстов и контент-анализа, а также кросс-факторного анализа ряда аналитических материалов смежной тематики по параметрам, обладающим собственным значимым содержанием, пригодным для достижения цели настоящего исследования.

В подавляющем большинстве случаев за спиной каждого «независимого журналиста» обнаруживаются как минимум два цензора – внешний в лице его редакционного руководства и внутренний в сознании самого журналиста – «цензор», обладающий памятью и постоянно опирающийся на опыт собственной профессиональной деятельности. Одного этого достаточно, чтобы информация о номинальной совокупности фактов, формально объединяемых в понятие «реальное положение дел», оказалась ограниченной в объёме. Тем самым любой нарратив или сюжет превращается в такой свой образ, который вполне соответствует представлениям о случившемся тех, кто определяет редакционную политику всего журналистского коллектива, либо тех, кто является негласным спонсором или владельцем «независимого» издания. Любая история, прежде рассматриваемая как фактология, пройдя горнило редакционной цензуры, тем самым превращается в свою интерпретацию. То есть в такую, которая правильным образом воздействует на нужные эмоции своей потенциальной аудитории [\[23, с. 601\]](#).

Если говорить об аксиологии деятельности по информированию, то идеалы истины или объективности не актуальны, потому что они в ситуации эмоционального капитализма и общества впечатлений [\[21\]](#) вытеснены иными ценностями – эффектностью, силой эмоционального воздействия, производимым впечатлением.

Одновременная активизация формально разных СМИ по поводу происходящего наполняет формируемый массовый дискурс эмоциями, но эти масштабируемые эмоции должны многократно и тщательно контролироваться. Те, кто вопреки описанной атмосфере сложившейся цензуры и принуждения пытается донести до общества принудительно замалчиваемую информацию, подвергаются системному остракизму в форме так называемой «культуры отмены» либо подвергаются внешнему давлению или

физическому уничтожению [\[18\]](#).

Ряд исследователей медиапространства современных СМИ в этой связи выдвигают понятие «*Insincere Discourse*» («неискренний дискурс»), который, с одной стороны, противоположен концепту «искренность», который в лекции М. Фуко о дискурсе рядоположен с истиной, объективностью и прозрачностью [\[15\]](#), с другой – в социолингвистических исследованиях отождествляется с ложью. К уточнению этого феномена следует отнести абсолютную ясность его телеологии – это манипулирование собеседником и извлечение выгоды. Например, работник торгового зала, расписывающий многочисленные достоинства «принципиально новой суперсовременной модификации» чего-либо перед потенциальным покупателем, занимается именно этим видом дискурсивной практики. Делает он все это главным образом через воздействие на эмоции покупателя, который, очарованный сказанным, даже не просит продавца подтвердить высказанную информацию. Это значит, что цель неискренного дискурса достигнута и пассивное потребление товара или услуги состоялось путем произведенной покупки.

Что входит в обязательную схему «неискренного дискурса»? Преувеличение и приукрашивание, умолчание, искажение, кроме того, традиционная демагогия, максимально заполняющая монолог эвфемизмами, метафорами и суперлативами, обладающими чарующим и убаюкивающим рациональную часть восприятия воздействием [\[14\]](#).

Потенциальная жертва манипуляции либо полностью лишается возможности реферирования содержания информационного сообщения, либо времени, необходимого для проведения этой процедуры. Реальные масштабы манипуляции в информационной массовой культуре современного общества таковы, что это явление также получило свое, собственное наименование – кризис референции.

Этот кризис имеет искусственный и преднамеренно спровоцированный характер. Операциональная часть его создания может быть сведена к целенаправленно вводимым и негласным запретам, к преднамеренному разделению информации о реальном и замалчивании его части, к деформации понятий истинного и ложного. Мы согласны с исследователями, которые указывают на эмоционализацию дискурса как на ведущую составляющую кризиса референции: «В результате современного медиапотребления, основанного на потреблении образов, у граждан складывается новый – упрощенный – тип понимания и поведения: безответственного и инфантильного. Перенасыщенность современного информационного пространства образами создает великолепные возможности для использования механизма переключения. Мнения, основанные на эмоциях, упрощаются, легко меняются, становятся подвижны и управляемы» [\[1, с. 94\]](#). Литературной иллюстрацией обрисованной процедуры может быть латентный, но крайне устойчивый кризис референции в развитии сюжета двух выдающихся романов Ф. Кафки – «Процесс» и «Замок» [\[3; 4\]](#), поскольку главный герой как одного, так и другого романа, принудительно помещается автором в ситуацию, содержательно во все в большей степени реализуемую для индивида в условиях современного манипулирования транслируемой ему информацией так же, как и его эмоциями.

В начале августа 2023 года совершено несколько информационных атак со стороны Украинских и западных СМИ и политиков, нацеленных на ослабление диалога и сотрудничества России и Китая. В большинстве из новостных текстов и монологических высказываний обнаруживаются явные признаки кризиса референции, в частности

заметен упор на образы, эмоциональную окраску, метафоризацию смыслов. Так, посол Украины в Китае П. Рябикин назвал отношения Москвы и Пекина *«браком по расчету»*, в котором Россия превращается в китайский сырьевой придаток. Метафора *брака по расчету* в данном выступлении является сильным концептом с негативной коннотацией, отвлекающей внимание реципиента, генерирующей у воспринимающего целый спектр эмоций, которые вытесняют желание и возможность проанализировать действительные факты.

Другой информационный «вброс» этого же периода: сообщения о том, что Россия якобы планирует проинформировать Пекин о «нежелательности» пребывания посла страны в Москве. Информация о «намерениях», которые якобы есть у МИД России в отношении китайского посла в стране, опубликовал анонимный Telegram-канал. После данные подхватили другие ресурсы, эти непроверенные данные опубликовали для нагнетания обстановки. В МИД России отметили, что не удивлены такой провокацией. Там подчеркнули, что такие публикации служат для нагнетания негативного информационного фона, чтобы подорвать отношения между двумя странами. Отметим, что в реальности ничего не произошло, фейковая новость была также не о действиях, а о намерениях, после распространения фейка никаких действий в отношении китайского дипломата не последовало. Но при этом отсутствии фактов нагнетание негативных эмоций гнева, подозрения и страха все равно осуществилось, что является убедительным аргументом для заявления разразившегося кризиса референции.

Процедура референции реализуется в знаковой системе (например – в системе естественного языка) через проверку семантического соответствия знака объекту и прагматического соответствия в отношении «субъект – знак» в части использования правил соблюдения субъектом семантической нормы знака в процессе его употребления [12, с. 239]. Кроме того, процедура референции может быть отнесена по таким же самым причинам и к проверке употребления синтаксической нормы как соответствия в системе «знак – знак» в процессе употребления совокупностей разных знаков, что по отношению к языку и представляет собой такие модели информирования, как речь или текст [17]. В числе таких средств референции по отношению к языку находятся словари, учебники, грамматические справочники, однако представить обывателя, смотрящего по телевизору или слушающего новостную сводку по радио со стопкой лингвистической справочной литературы рядом крайне затруднительно. Обыватель начинает справляться в первоисточниках только тогда, когда почувствует, что его обманывают, причем, это ведет к финансовым потерям или другому вреду [22].

В известной книге Ги Дебор назвал данную ситуацию «спектаклем», который по сути своей является ничем иным, как симуляцией бытия – и тем самым, симулируя также и атрибуты которого – представляется своему зрителю вечным, бесконечным, самодостаточным, и не нуждающимся для своего обоснования ни в чем другом, кроме себя самого [2, с. 39]. Однако всякий спектакль требует не одного только присутствия, но также и эмоционального вовлечения, «захвата» своих зрителей в предлагаемое их восприятию действо. Вовлечения до состояния полного неразличения между сценой и всем тем, что находится за ее пределами.

Настоящей пошаговой инструкцией замены в дискурсе фактов на интерпретации, оценки и эмоции является фильм Б. Левинсона «Хвост виляет собакой» (1997 г.) (в отечественном прокате – «Плутство»). Чтобы отвлечь внимание электората от сексуального скандала с президентом, в информационном пространстве телевидения создается «маленькая война против терроризма в Албании». Фильм подробно

демонстрирует, что главным инструментом среди манипуляций (создание и использование образа врага; усиленные персонифицированные образы; мнимый выигрыш; влияние «сильной» темы, скованной ещё более «сильной» темой; слабое информационное позиционирование; обращение к клиповому (калейдоскопическому) мышлению; подача информации в рамках зрелища (шоу); вовлечение в действие; логические подмены; программирование реакций через подачу ролевых моделей; противоречивая информация; авторитетный аноним; подделка под старину; написание истории) является апеллирование к эмоциям, генерирование сильного эмоционального накала. Поэтому очень кропотливо создается фейковый видеоролик с бегущей по горящему мосту албанской девушкой, спасающейся от террористов, захвативших её деревню. Подбор животного для видео с девочкой, которая прячется от бомбежки, происходит очень тщательно, так как нужно такое, которое максимально вызовет нужную эмоциональную реакцию. Записанный чувственный ролик об албанской беженке, который воздействует на эмоции американцев и закрепляет их внимание на ситуации, сюжетно продолжается появлением этой девочки в аэропорту и обращением к президенту, который со своего плеча отдаёт ей свое пальто, что и вовсе разогревает пронзительные человеческие чувства ^[16] по отношению к президенту.

Выводы:

1. В значительном большинстве дискурсивных практик эмоции объекта информирования сегодня играют роль маски, ширмы, занавесы, декораций, на фоне которых происходит имитация отсутствующей на самом деле референции.
2. В современном массовом дискурсе вся информация без купюр редко доносится до аудитории, при этом факты заменяются интерпретациями или оказываются постановочными событиями.
3. Основной причиной эмоционализации массового дискурса становится якобы следование представлениям, ожиданиям и эмоциям массовой аудитории – информация подается таким образом, что все видят, слышат, читают то, что они сами и хотели бы видеть, слышать, читать.
4. Кризис референции внутри массового дискурса имеет искусственный и преднамеренно спровоцированный характер.
5. Кризис референции, навязанный обществу основными модераторами массового дискурса, деформирует семантическую, синтаксическую и прагматическую нормы естественного языка, что позволяет манипулировать как самими значениями слов и синтаксисом, так и их массовым восприятием.

Библиография

1. Быстров С. В. Применения манипулятивных политических технологий в современной политике: правда и вымысел фильма "Плутство" // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2013. № 4. С. 92-95.
2. Дебор Г. Общество спектакля. М.: Опустошитель, 2020, 280 с.
3. Кафка Ф. Замок. М.: АСТ, 2021, 384 с.
4. Кафка Ф. Процесс. М.: АСТ, 2020, 352 с.
5. Картунов В. В., Саенко Н. Р. Эмоциональные антиномии современности // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Т. 11, № 5-1. С. 83-91.
6. Лобанова Ю. В. Манипуляция сознанием и социальный контроль // Наука, техника,

- педагогика. Новые технологии высшей школы: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 26 февраля 2019 года. – Москва: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Московский политехнический университет", 2019. – С. 293-296.
7. Лобанова Ю. В. Манипуляция сознанием: усиление воздействия в информационном пространстве // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2019. № 6(93). С. 117-120.
8. Лобанова Ю. В. От телевидения к интернету: открытая стратегия коммуникации // Точки над Ё. 2012. № 1(2). С. 74-77.
9. Лобанова Ю. В. Роль экранных технологий в формировании новой культуры эмоций и чувств // Коммуникология. 2022. Т. 10, № 3. С. 116-122.
10. Лобанова Ю. В. Человек в системе символического потребления и эмоциональный капитализм // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2022. № 3. С. 6-12.
11. Лобанова Ю. В. Эмоциональные особенности восприятия фейковых сообщений // Образовательный вестник Сознание. 2022. Т. 24, № 11. С. 59-65.
12. Рабенко Т. Г. Проблема референции художественного и естественного дискурсов в контексте современной лингвистики // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2017. № 5. С. 236-241.
13. Саенко Н. Р. Судьба принципа удовольствия в эпоху постсовременности // Современное культурное пространство : Философия. Искусство. Технология. Информация / Научная редакция В. Х. Разакова. Волгоград : Волгоградское региональное отделение Молодежного союза юристов РФ, 2004. С. 22-28.
14. Федорова О. В., Деликишкина Е. А., Малютина С. А., Успенская А. М., Фейн А. А. Экспериментальный подход к исследованию референции в дискурсе // <https://www.dialog-21.ru> (Электронный ресурс) –URL: <https://www.dialog-21.ru/media/1701/76.pdf> (Дата обращения: 04.08.2022).
15. Фуко М. Порядок дискурса // Monocler.ru (Электронный ресурс) URL: <https://monocler.ru/poryadok-diskursa-fuko/> (Дата обращения: 05.08.2022).
16. Шатунова Т. М. Событие чувства как феномен современности // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. Т. 152. № 1. С. 188-198.
17. Andryukhina N. V. Assertive speech acts as an expressive mean of insincere discourse // Researchgate.net (Электронный ресурс). URL: https://www.researchgate.net/publication/316205826_Assertive_speech_acts_as_an_expressive_mean_of_insincere_discourse (Дата обращения: 06.08.2022).
18. Assange J. A CYPHERPUNK IN HIS OWN WORDS // Researchgate.net (Электронный ресурс). Pp. 199 – 215. URL: <https://www.researchgate.net/publication/337425438> (Дата обращения: 06.08.2022).
19. Features of the modern process of differentiation of sense and meaning in communication / P. S. Volkova, E. S. Orekhova, N. R. Saenko [et al.] // Media Watch. 2020. Vol. 11, No. 4. P. 679-689.
20. Legal status of fake news: global challenges and possible solutions / E. F. Tsokur, M. G. Repina, N. R. Saenko, S. L. Grigoryev // Relacoes Internacionais no Mundo Atual. 2022. Vol. 2, No. 34. P. 60-73.
21. Schulze G. Die Erlebnisgesellschaft. Kultursoziologie der Gegenwart. Campus, Frankfurt am Main, 1992.
22. Somer M. Insincere Public Discourse, Inter-Group Trust, and Implications for Democratic Transition: The Yugoslav Meltdown Revisited // Semantic scholar.org [Electronic resource]: Corpus ID: 73715236 – Code access URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Insincere->

Public-Discourse%2C-Inter-Group-Trust%2C-and-Somer/35b861a3d44d92bcf646 (Reference date: 05.08.2022).

23. Zappettini F., Ponton D. M., Larina T. V. Emotionalisation of contemporary media discourse: A research agenda. (Заппеттини Ф. и др. Эмоционализация современного медиадискурса: исследовательская повестка дня) // Russian Journal of Linguistics. 2021. Vol. 25. № 3. Pp. 586-610.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В журнал «Litera» автор представил свою статью «Эмоционализация массового дискурса как компенсация кризиса референции», в которой проведено исследование практик формирования у потребителей желаемого мнения и эмоционального фона при развивающемся кризисе референции.

Автор исходит в изучении данного вопроса из того, что коммуникация в рамках современного массового дискурса в числе своих основных отличительных черт отмечена явным переизбытком эмоций и крайне суженными возможностями сторон в отношении референции получаемых ими информационных сообщений. В значительном большинстве дискурсивных практик эмоции оказываются не только следствием умышленно искаженной подачи информации, но и ее маской, ширмой, занавесом, декорацией, на фоне которых происходит имитация этой референции, и как следствие наблюдается формирование цифрового контроля, в определенных свойствах даже более тотального и жёсткого, чем традиционный социально-политический.

Актуальность исследования обусловлена современной социокультурной ситуацией, а именно частой подменой достоверной информации интерпретациями или постановочными событиями.

В статье были использованы методы анализа текстов и контент-анализа, а также кросс-факторного анализа ряда аналитических материалов смежной тематики по параметрам, обладающим собственным значимым содержанием, пригодным для достижения цели настоящего исследования. Теоретическим обоснованием исследования послужили труды М. Фуко, Г. Шульце, Н.Р. Саенко, Ю.В. Лобановой и др. Эмпирическим материалом выступили образцы современного кинематографа, литературных произведений и новостных ресурсов.

К сожалению, автором не проведен анализ научной обоснованности проблематики, несмотря на то, что изучаемая проблема уже долгое время вызывает интерес научного сообщества и довольно широко освещена как в отечественном, как и зарубежном научном дискурсе. Следовательно, представляется затруднительным делать выводы о научной новизне исследования.

Целью данного исследования является выявление, фиксация и анализ особенностей действия основных специальных приемов и механизмов принудительного перемещения внимания потенциальной аудитории с достоверности транслируемых информационных сообщений на формируемый ими эффект эмоционального воздействия, неизбежно снижающий не только общий уровень рационализации содержательной стороны этих сообщений, но и саму общественную потребность в нем.

Автором раскрывается сущность понятия «неискренний дискурс» - это манипулирование собеседником и извлечение выгоды, в обязательную схему которого входит преувеличение и приукрашивание, умолчание, искажение, кроме того, традиционная демагогия, максимально заполняющая монолог эвфемизмами, метафорами и

суперлативами, обладающими чарующим и убаюкивающим рациональную часть восприятия воздействием.

Как отмечает автор, реальные масштабы манипуляции в информационной массовой культуре современного общества таковы, что это явление также получило свое, собственное наименование – кризис референции. Автор особо подчеркивается, что этот кризис имеет искусственный и преднамеренно спровоцированный характер, имеющий целью упрощенного типа понимания и поведения: безответственного и инфантильного. Кризис референции, навязанный обществу основными модераторами массового дискурса, деформирует семантическую, синтаксическую и прагматическую нормы естественного языка, что позволяет манипулировать как самими значениями слов и синтаксисом, так и их массовым восприятием. Перенасыщенность современного информационного пространства образами создает великолепные возможности для использования механизма переключения. Мнения, основанные на эмоциях, упрощаются, легко меняются, становятся подвижны и управляемы.

Действие данного механизма и его результаты автор иллюстрирует сюжетами романов Ф. Кафки «Замок» и «Процесс», современными новостями и информационными вбросами, сюжетом фильма Б. Левинсона «Плутство».

В заключении автором представлен вывод по проведенному исследованию, в котором приведены все ключевые положения изложенного материала.

Представляется, что автор в своем материале затронул актуальные и интересные для современного социогуманитарного знания вопросы, избрав для анализа тему, рассмотрение которой в научно-исследовательском дискурсе повлечет определенные изменения в сложившихся подходах и направлениях анализа проблемы, затрагиваемой в представленной статье.

Полученные результаты позволяют утверждать, что изучение формирования общественного мнения как культурной универсалии и манипулирования им представляет несомненный научный и практический культурологический интерес и заслуживает дальнейшего изучения.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую более полноценному усвоению материала. Этому способствует также адекватный выбор соответствующей методологической базы. Библиография исследования составила 23 источника, в том числе и иностранного, что представляется достаточным для обобщения и анализа научного дискурса по исследуемой проблематике.

Автор выполнил поставленную цель, получил определенные научные результаты, позволившие обобщить материал. Следует констатировать: статья может представлять интерес для читателей и заслуживает того, чтобы претендовать на опубликование в авторитетном научном издании.